

© ФГБУ «НМИЦПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, 2021
 УДК: 616-89-008.48
 DOI: <https://doi.org/10.47877/1560-957X-2021-10406>

Для корреспонденции

Демидова Любовь Юрьевна – старший научный сотрудник отдела судебно-психиатрической экспертизы в уголовном процессе ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России
 Адрес: 119034, г. Москва, Кропоткинский пер., д. 23
 Телефон: +7 (495) 637-23-97
 E-mail: lyubov.demidova@gmail.com

Л.Ю. Демидова¹, Т.Г. Гадисов¹, А.А. Ткаченко^{1, 2}

Индивидуальные различия при компенсации и декомпенсации расстройств личности

Результаты оригинального исследования

¹ ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, Москва, Россия

² ФГАОУ ВО Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет), Москва, Россия

В одномоментном ретроспективном исследовании с целью анализа изменений в системе индивидуальности при компенсации и декомпенсации расстройств личности обследовано 45 испытуемых. Изучены темпераментные, характерологические и мотивационные особенности лиц с компенсацией и декомпенсацией в сравнении с группой сопоставления. Показано, что при компенсации личностного расстройства система индивидуальности слабо дифференцирована и может быть охарактеризована как недостаточно гибкая. При декомпенсации личностного расстройства сохраняется слабая дифференцированность мотивационно-смысловой сферы, однако в остальном система индивидуальности может быть охарактеризована как крайне неустойчивая, с преобладающей ролью формально-динамических механизмов психики. Продемонстрирована возможность совмещенияdimensionального и феноменологического подходов.

Ключевые слова: расстройство личности; декомпенсация; темперамент; характер; личность; индивидуальность; мотивация

Для цитирования: Демидова Л.Ю., Гадисов Т.Г., Ткаченко А.А. Индивидуальные различия при компенсации и декомпенсации расстройств личности // Российский психиатрический журнал. 2021. № 4. С. 48–60. DOI: <https://doi.org/10.47877/1560-957X-2021-10406>

LYu Demidova¹, TG Gadisov¹, AA Tkachenko^{1, 2}

Individual differences during compensation and decompensation in personality disorders

Original article

¹ V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology, Moscow, Russia

² I.M. Sechenov First Moscow State Medical University, Moscow, Russia

In this cross-sectional retrospective study with an objective of analyzing changes in the system of individuality during compensation and decompensation in personality disorders 45 examinees were tested. Temperamental, characterological and motivational characteristics were studied in persons with compensation and decompensation, and comparison group. It is shown that during compensation of personality disorder the system of individuality is poorly differentiated and can be characterized as insufficiently adaptable. Poor differentiation of motivational sphere remains during decompensation of personality disorder; however the rest of the individuality system can be characterized as extremely unstable with the predominant role of formal-dynamic mechanisms. The possibility of combining the dimensional and phenomenological approaches has been demonstrated.

Key words: personality disorder; decompensation; temperament; character; personality; individuality; motivation

For citation: Demidova LYu, Gadisov TG, Tkachenko AA. [Individual differences during compensation and decompensation in personality disorders]. Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal [Russian Journal of Psychiatry]. 2021;(4):48–60. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.47877/1560-957X-2021-10406>

Анализ динамики расстройств личности является ключевым для судебно-психиатрической оценки. Более того, динамика психопатий в значительной степени обуславливает их статические проявления [1]. В связи с этим всесторонний клинический анализ должен включать рассмотрение как динамики становления психопатии, так и её временных динамических сдвигов [2].

Динамика становления психопатий исторически увязывалась с так называемыми моральными помешательствами, патологиями характера и темперамента либо с взаимодействием этих «слоёв» личности [3–5]. Многие современные авторы также указывают на связь расстройств личности и различных психопатологических образований со свойствами темперамента и экстремально выраженными чертами характера [6–8]. Более того, существуют эволюционные концепции, объясняющие как развитие здоровой личности, так и возникновение личностных расстройств в рамках психобиологической модели темперамента и характера [9, 10].

Если динамика становления психопатий каким-то образом сопряжена с особенностями темперамента и характера, эти же компоненты должны быть задействованы и в динамических сдвигах при уже сформированном расстройстве. Остаётся, однако, не до конца ясным, как соотносятся между собой категории темперамента, характера и личности.

Под темпераментом большинством исследователей понимаются устойчивые динамические особенности психической деятельности индивида [11, 12]. Несмотря на некоторую вариабельность в определениях, наблюдается согласие, что темпераментные черты обусловлены преимущественно биологическими факторами. А.С. Выготский понимал под темпераментом именно врождённые реакции и констатировал, что «темперамент – понятие наиболее физиологическое и биологическое и охватывает ту сферу личности, которая обнаруживается в инстинктивных, эмоциональных, рефлекторных реакциях» [13, с. 344]. Темперамент отсылает преимущественно к формальным и динамическим характеристикам поведения, таким как интенсивность, энергия, сила, скорость, темп, пластичность, мобильность [11, 14], поэтому в качестве физиологической основы темперамента изначально рассматривался тип высшей нервной деятельности.

Категория характера в научном плане является наиболее неоднозначной. В зарубежной психологии после работ Г. Олпорта термин «характер» оказался практически вытеснен категориями личности и индивидуальности [15, 16]. Но и в отечественной науке место этого понятия неопределённо. А.Н. Леонтьев почти не использует такой термин в своих работах и лишь констатирует, что характер нельзя отождествлять с личностью и следует понимать в узком смысле слова [17]. Л.В. Бороздина, анализируя концепцию А.Н. Леонтьева, приходит к выводу, что жёсткое раз-

ведение им деятельности и действия позволяет соотнести первую с личностью, а второе – с характером. Другими словами, личность соотносится с ценностно-смысловой структурой субъекта, а характер – с его целевой структурой, и в этом смысле «будет складываться из тех действий, которые чаще всего применяются, становясь привычкой, второй натурой человека» [15, с. 7].

В определениях характера нередко можно встретить слова «привычка», «манера», «форма поведения» [18]. Под характером в целом принято понимать устойчивые психические особенности человека, определяющие типичные способы поведения субъекта в определённых условиях и обстоятельствах [12, 19], «индивидуальный стиль действия» [20, с. 232]. А.С. Выготский раскрывает характер как «социальный чекан личности, отвердевшее, откристаллизовавшееся типическое поведение личности в борьбе за социальную позицию» [21, с. 156].

Отмечается, что характер человека как социального субъекта детерминирован именно общественным бытием в рамках микро- и макросоциального окружения [12], что создаёт ряд проблем при его разграничении с категорией «личность», источники формирования которой также увязываются с социумом.

В исследованиях личности наиболее устоявшимся подходом является мотивационно-динамический, в рамках которого во главу угла в структуре личности ставится её направленность, а сама она рассматривается как система мотивационно-смысловых образований [15, 20]. А.Н. Леонтьев соотносит развитие личности с полимотивированностью поведения и выстраиванием иерархии мотивов [17]. Особое значение общественным отношениям и мотивационной сфере в развитии личности придаёт и С.Л. Рубинштейн. Так, он указывает, что «в качестве собственно личностных свойств из всего многообразия... обычно выделяются те, которые обуславливают общественно-значимое поведение... основное место в них поэтому занимает система мотивов и задач, которые ставит себе человек» [22, с. 309]. В этом смысле «личность есть у каждого человека, не исключая делинквентов, вопрос в том, чем она наполнена, какое непосредственное содержание имеют, главным образом, жизненные смыслы» [15, с. 7].

Озвученные идеи были развиты в работах Б.М. Теплова, В.Д. Небылицына и В.С. Мерлина [23–25] через представление о двухаспектности психики, согласно которому последнюю можно описывать с формально-динамической или предметно-содержательной стороны. Формально-динамический аспект определяет индивидуальные психические черты и свойства, преимущественно нейрофизиологические, лежащие в основе любой деятельности субъекта, независимо от её мотива, целей и т.п., что в большей степени соответствует темпераменту. Предметно-содержательный аспект психического может быть раскрыт через мотивы, смыслы, ценно-

сти, отношения, образную сферу индивида, что гораздо ближе к категории личности.

П.В. Симонов указывает, что «выводить содержательную сторону психики из наследственных задатков столь же нелепо, как отрицать роль этих задатков в особенностях усвоения субъектом социального опыта» [18, с. 139]. Согласно В.С. Мерлину, механизмы низшего уровня индивидуальности выполняют важную роль в детерминации свойств высшего уровня [23]. П.В. Симонов предлагает рассматривать индивидуальные различия с позиций системного детерминизма, утверждая, что социальный опыт будет по-разному усваиваться в зависимости от индивидуальных (в том числе формально-динамических) особенностей психики конкретного субъекта [18]. Каждый тип темперамента несёт в себе потенциал формирования как положительных, так и отрицательных психологических черт [24]. В зависимости от темперамента у одного человека легче, а у другого труднее будут вырабатываться необходимые реакции на средовые воздействия, по-разному будет протекать обучение. Например, можно говорить о различной лёгкости социализации при экстра- и интроверсии или о том, что вероятность принять функции лидера будет выше у холерика, чем у меланхолика, что в каждом из этих случаев позволит с большей лёгкостью сформироваться тем или иным потребностям. «Бесспорно, что при любом темпераменте можно развить все общественно ценные свойства личности» [24, с. 21]. В работах Б.М. Теплова и В.Д. Небылицына [25, 26] показывается, например, что слабый тип нервной системы имеет большое преимущество в деятельности, где требуется тонкая дифференцировка раздражителей. Но всё же решающую роль в формировании структуры потребностей исследователи отводят воспитанию микро- и макросоциальным окружением, общественным отношениям, складывающимся в социальной группе. Сказанное, по мнению П.В. Симонова, особенно относится к содержательной стороне потребностей, к предметам их удовлетворения [18].

Необоснованность дизъюнктивного противопоставления содержательной и формально-динамической сторон поведения подчёркивается Т.Ф. Базылевич [27], которая утверждает, что генетически обусловленные качества функционирования головного мозга отнюдь не безличные предпосылки развития личности. Ссылаясь на специалистов в области психогенетики, Г.А. Виленская указывает, что генетическая обусловленность темперамента находится лишь на уровне 40–50% [28]. Иначе говоря, темперамент в какой-то степени сам меняется в процессе адаптации, что находит подтверждение в литературе. Я. Стрелая, например, рассматривал черты темперамента как биологически детерминированные, относительно стабильные (не подверженные кратковременным влияниям), но пластичные и в некоторой степени изменчивые в процессе онтогенетического развития [14, 29]. Другими

словами, изучая даже формально-динамические свойства темперамента, мы получаем информацию о личности в целом, о её опыте.

Таким образом, биологические и социальные свойства образуют единый континуум индивидуальности [30]. В данной работе мы исходим из представлений В.С. Мерлина, согласно которым индивидуальность представляет собой систему, в которой иерархически интегрируются свойства темперамента, характера и личности [23]. При всей сложности соотношения этих уровней друг с другом неоспоримым является факт постепенного развития собственно личностных свойств и мотивационно-смысловой системы, направленности личности в процессе социализации природного индивида, при освоении им социальной (в том числе культурной) среды. На тесную, системную взаимосвязь темперамента, характера и личностных свойств (в том числе особенностей самосознания) указывают и зарубежные исследователи [31]. Разноуровневые свойства должны изучаться вместе: нейродинамические, психодинамические особенности должны исследоваться в интеграции со свойствами характера и направленности личности [23]. Вместе с тем проведённые до настоящего времени исследования с участием лиц с личностными расстройствами затрагивают лишь отдельные фрагменты системы индивидуальности [32–35].

А. Cramer [36] убедительно показывает, что изучение личности невозможно без формализации связей между различными свойствами индивидуальности с помощью сетевых моделей. Указывается, что личностные особенности во всей их сложности и динамике могут быть поняты не из самих компонентов индивидуальности, а только из их взаимосвязей. Изучая корреляции и представляя их в виде сети, можно получить визуализацию глобальной структуры личности. Сетевой подход к психопатологии оценивается как один из важнейших в разрешении фундаментальных проблем психологии личности [37] и за короткое время стал полноценной областью исследований в психиатрии и психологии [38].

В настоящее время предпринимаются первые попытки приложения сетевого моделирования к изучению психопатий [39]. Применение сетевого моделирования особенно актуально при изучении личностных расстройств, поскольку позволяет делать выводы о динамических особенностях системы индивидуальности, связать структуру личности и её динамические свойства [36, 40].

Цель настоящего исследования – анализ изменения взаимосвязей между темпераментными, характерологическими и мотивационными особенностями при динамических сдвигах у лиц с расстройствами личности.

Материал и методы

В исследование были включены 35 испытуемых с расстройствами личности, проходивших стационар-

ную судебно-психиатрическую экспертизу на базе ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России. В группу вошли лица со специфическими (F60.0, F60.1, F60.3, F60.4), а также со смешанными (F61) расстройствами личности с ведущими эмоционально-неустойчивым, истерическим, параноидным и шизоидным радикалами.

У 8 испытуемых на момент исследования отмечались различные клинические варианты декомпенсации личностного расстройства.

При квалификации динамических сдвигов руководствовались следующим набором критериев, отражающих установившиеся подходы к их диагностике:

- интенсификация (заострение) паттернов поведения, определяемых облигатными личностными чертами, в связи с чем взаимодействие с окружающей средой приобретает карикатурный, утрированный, шаблонный и однообразный характер;
- генерализация – расширение и утяжеление клинической картины за счёт распространения присущих аномалий психической активности на иные сферы психической деятельности;
- нарушение адаптационных функций – неспособность поддерживать приемлемое качество жизни и адекватные отношения с другими, эффективно существовать в обществе;
- формирование клинически очерченных коморбидных психопатологических состояний.

В группу сопоставления вошли 10 добровольцев без установленного психиатрического диагноза.

Этический аспект. Всеми испытуемыми было подписано добровольное информированное согласие на участие в исследовании, одобренное этическим комитетом ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (протокол № 24/6 от 19 ноября 2018 г.).

Из обработки были исключены данные 5 испытуемых, которыми не была заполнена хотя бы одна из предлагаемых методик, поэтому итоговый численный состав групп с компенсацией и декомпенсацией расстройства личности, а также группы сопоставления составил 24, 7 и 9 человек соответственно. Среднее значение и стандартное отклонение возраста по группам с компенсацией и декомпенсацией расстройства личности, а также группы сопоставления: 34,4±9; 34,4±9,7; 31,3±10,3 соответственно.

Все лица в компенсированном состоянии по решению судебно-психиатрической комиссии экспертов могли осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими во время совершения инкриминируемых деяний. Из группы лиц в состоянии декомпенсации 2 (28,6%) лицам рекомендовалось применение ст. 21 Уголовного кодекса Российской Федерации («невменяемость»), 3 (42,8%) – ст. 22 Уголовного кодекса Российской Федерации («ограниченная вменяемость»),

2 (28,6%) подэкспертных могли осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими во время совершения инкриминируемых деяний.

Все испытуемые, данные которых вошли в обработку, заполнили следующие методики.

Опросник формально-динамических свойств индивидуальности (ОФДСИ), созданный В.М. Русаловым в рамках его специальной теории [41], восходящей к идеям Б.М. Теплова и В.Д. Небылицына, а также к теории функциональных систем П.К. Анохина. В методике оцениваются такие показатели, как *эргичность* (выносливость, вовлечённость), *пластичность* (лёгкость приспособления к новым и меняющимся условиям), *скорость* (темп реакций и поведения) и *эмоциональность* (чувствительность, ранимость) в трёх поведенческих сферах: психомоторной, интеллектуальной и коммуникативной. Хотя В.М. Русалов строит свою теорию на целом ряде допущений и широко трактует биологические факторы индивидуальности, включая в структуру темперамента в том числе социально-групповые программы поведения [42], его опросник является одним из самых часто используемых при оценке темперамента в структуре индивидуальности.

Опросник NEO Five Factor Inventory (NEO-FFI) [43] в адаптации В.Е. Орла и И.Г. Сенина [44], разработанный в рамках пятифакторной модели личности. В рамках этой модели личность человека описывается с помощью пяти диспозиций: нейротизм (N – Neuroticism), экстраверсия (E – Extraversion), открытость опыту (O – Openness to Experience), добросовестность (C – Conscientiousness), сотрудничество (A – Agreeableness). Шкала N оценивает подверженность негативным аффектам, эмоциональную нестабильность. Шкала E – активность, возбужденность, энергичность, эмоциональный подъём. Шкала O – интеллектуальную любознательность, интерес к миру, готовность поддерживать новые и нестандартные идеи. Шкала C – склонность к планированию, организации, целеустремлённость. Шкала A – сотрудничество и готовность к взаимодействию с другими людьми.

Диагностика мотивационной структуры личности В.Э. Мильмана [45], которая позволяет оценить реальную удовлетворённость мотивационных направленностей испытуемого, а также его идеальные направленности и стремления. В методике выделяются мотивационные направленности на поддержание жизнеобеспечения (П), комфорт (К), социальный статус (С), общение (О), общую активность (Д), творческую активность (ДР) и общественную полезность (ОД) в двух областях: во всей сфере жизнедеятельности (общезитейской) и в работе. Также в методике оцениваются показатели, характеризующие стенический или астенический тип эмоциональных переживаний в обычных ситуациях и в состоянии фрустрации.

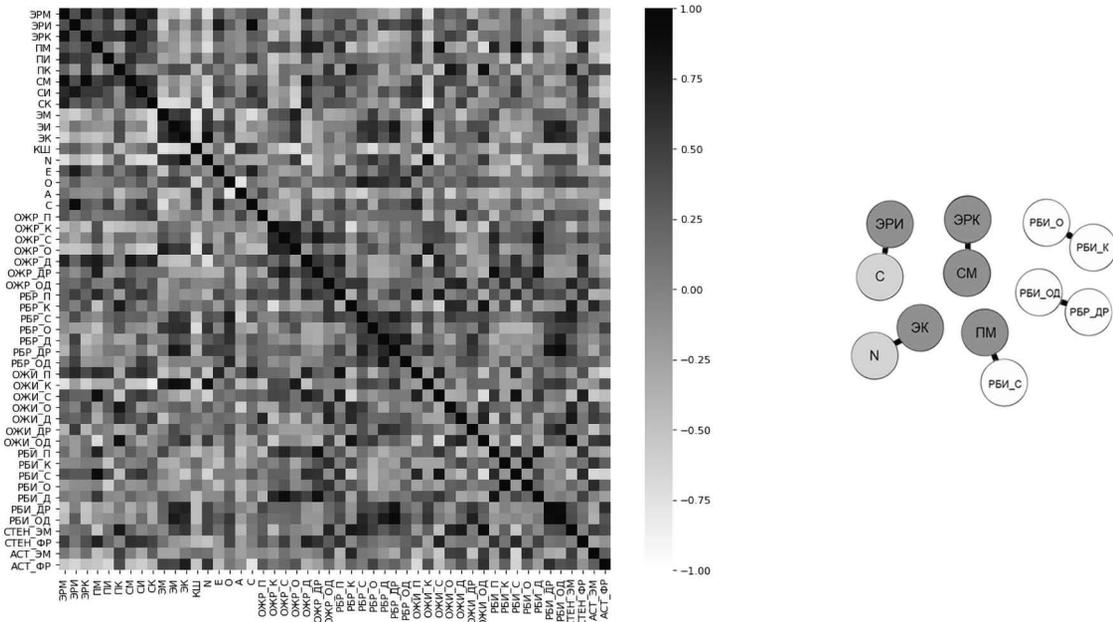
Статистическая обработка и визуализация данных проводилась с помощью языка программирования

альные мотивационные направленности и типы эмоционального реагирования. Также на рисунках представлены графы, построенные на основании значимых внутригрупповых связей высокой силы. Теория графов применяется для анализа во многих науках и служит математической моделью для всякой системы, элементы которой обладают парными связями [46].

Анализ корреляционных матриц позволяет выдвинуть ряд общих предположений о системе индивидуальности в каждой из исследуемых групп, об особенностях их реагирования на разного рода изменения (например, если перемены в жизни индивида приведут к снижению степени удовлетворённости тех или иных мотивационных направленностей или возникнут сдвиги в характерологических проявлениях, возможные вследствие изменений биохимического состава крови [23, 47]).

В группе лиц в *компенсированном состоянии* корреляционная матрица однородна, в ней представлено множество прямых корреляций преимущественно слабой и средней силы (сумма модулей коэффициентов корреляции в матрице составляет 319, при этом максимальное значение коэффициента не превышает 0,780, а минимальное не опускается ниже 0,590; аналогичные показатели для группы лиц в декомпенсации составляют 495, 0,973 и 0,901 соответственно, а для группы сопоставления – 389, 0,958 и 0,858 соответственно). Это означает, что система индивидуальности при компенсации личностного расстройства довольно устойчива к разного рода изменениям. Так, при компенсации психопатических личностей в сравнении с двумя другими группами изменения в одной из сфер в меньшей степени затронут другие сферы индивидуальности. Например, при появлении одинакового по силе стрессора

Рисунок 3. Корреляционная матрица и граф значимых корреляций в группе сопоставления.

Примечание к рис. 1–3. Цветовая шкала справа от корреляционной матрицы показывает величину коэффициента корреляции между показателями. На графе цвета показывают принадлежность показателей к разным методикам: темно-серый цвет соответствует шкалам методики ОФДСИ, светло-серый – шкалам методики NEO-FFI, белый – шкалам методики В.Э. Мильмана. Величина круга, соответствующего конкретному узлу графа, тем больше, чем выше степень узла. Толщина ребер тем больше, чем больше связь между узлами. Расшифровка показателей методик представлена в порядке, как они указаны в корреляционной матрице: ЭРМ – эргичность моторная, ЭРИ – эргичность интеллектуальная, ЭРК – эргичность коммуникативная, ПМ – пластичность моторная, ПИ – пластичность интеллектуальная, ПК – пластичность коммуникативная, СИ – скорость моторная, СК – скорость интеллектуальная, ЭМ – эмоциональность моторная, ЭИ – эмоциональность интеллектуальная, ЭК – эмоциональность коммуникативная, КШ – контрольная шкала; N – нейротизм, E – экстраверсия, O – открытость опыту, A – сотрудничество, С – добросовестность; ОЖР – общежитетская реальная удовлетворённость мотивационных направленностей (7 показателей), РБР – реальная удовлетворённость мотивационных направленностей в работе (7 показателей), ОЖИ – общежитетские идеальные мотивационные направленности (7 показателей), РБИ – идеальные мотивационные направленности в работе (7 показателей), СТЕН_ЭМ – стенический тип эмоциональных переживаний, СТЕН_ФР – стенический тип реагирования в ситуации фрустрации, АСТ_ЭМ – астенический тип эмоциональных переживаний, АСТ_ФР – астенический тип реагирования в ситуации фрустрации.

компенсированная аномальная личность в сравнении с лицами в декомпенсации и даже с нормой в среднем не продемонстрирует явной эмоциональной реакции и будет способна сохранять тот же, что и раньше, уровень вовлечённости в деятельность, пластичность и темп при её исполнении (о чём говорят слабые корреляции актуальной степени удовлетворённости мотивационных направленностей со шкалами эргичности, пластичности, скорости и эмоциональности). А. Якубик [48] описывал похожий феномен, говоря о трудностях когнитивной переоценки при расстройстве личности под воздействием новой информации, о слабой подверженности таких больных внешним воздействиям.

У лиц в *декомпенсированном состоянии* корреляционная матрица более «яркая», с большим числом прямых и обратных связей высокой силы (см. ранее приведённые показатели: сумму модулей коэффициентов корреляции, максимальное и минимальное значения коэффициентов в матрице). Это позволяет предположить, что изменения в одной сфере жизнедеятельности затрагивают многие другие и сдвиг в ту или иную сторону по какому-либо показателю можно будет отметить во многих сферах индивидуальности, тесно с ним связанных. Полученный результат дает возможность говорить о повышенной реактивности и уязвимости лиц с декомпенсацией расстройства личности: их реакция на изменения среды острее, а потенциально стрессовым для них может стать гораздо больший круг факторов.

Таким образом, данные показывают, что компенсированные лица более устойчивы к средовым воздействиям, а декомпенсированные лица чрезмерно к ним уязвимы. Промежуточное положение корреляционной матрицы группы сопоставления (см. ранее приведённые показатели: сумму модулей коэффициентов корреляции, максимальное и минимальное значения коэффициентов в матрице) позволяет говорить о дифференцированности таких испытуемых в отношении внешних воздействий, о более гармоничной адаптации в сравнении с двумя другими группами.

Это подтверждает и анализ отдельных блоков внутри корреляционных матриц. Наличие в матрице больших скоплений из однородных корреляций свидетельствует о синхронном реагировании испытуемых в той или иной подсистеме индивидуальности. Так, например, в матрицах всех трёх групп можно видеть в левом верхнем углу квадрат с сильными положительными корреляциями – связи между показателями эргичности, пластичности и скорости в методике ОФДСИ, которые концептуально действительно очень близки и были выделены из единого компонента активности [41, 42]. Так же тесно у всех трёх групп между собой связаны параметры эмоциональности, отражающие единый феномен чувствительности, ранимости к средовым воздействиям.

О большей дифференцированности системы индивидуальности в *группе сопоставления* говорит не-

однородность корреляционной матрицы, отсутствие на ней многих выраженных скоплений из однородных корреляций. Полученную корреляционную матрицу можно интерпретировать как большую сложность системы индивидуальности в норме, потенциальную способность таких испытуемых к многообразным реакциям в ответ на средовые воздействия.

Значимые связи в группе сопоставления отрывочны, в графе отсутствуют укрупнённые объединения элементов, что указывает на отсутствие в нормативной системе индивидуальности каких-то центральных элементов, стягивающих к себе остальные. Другими словами, система их индивидуальности имеет больше степеней свободы, а у самих испытуемых группы нормы, соответственно, больше потенциальных путей реагирования, выше вариативность поведения.

Интеллектуальная эргичность в группе сопоставления тесно связана с добросовестностью (ЭРИ – С: $r=0,958$, $p<0,000$), а коммуникативная эмоциональность – с уровнем нейротизма (ЭК – N: $r=0,924$, $p<0,000$). Иначе говоря, эмоциональная нестабильность, подверженность негативным аффектам в группе нормы обнаруживаются у тех же лиц, которые проявляют беспокойство, высокую чувствительность в сфере социального взаимодействия. А способность к умственному напряжению и обучению прослеживается у тех, кто склонен к добросовестному выполнению деятельности, планированию и целеустремлённому поведению. Следовательно, отмеченные темпераментные и характерологические особенности в норме связаны со степенью добросовестности в деятельности и эмоциональной стабильностью при социальном взаимодействии, то есть, вероятно, каким-то образом опосредованы социальными отношениями, стремлением к качественному результату деятельности. Кроме того, в этой группе испытуемых связаны друг с другом актуальная степень удовлетворённости потребности в творческой активности и стремление к общественной полезности (РБР_ДР – РБИ_ОД: $r=0,939$, $p<0,000$), а также стремление к комфортным условиям в работе – с направленностью на общение (РБИ_К – РБИ_О: $r=0,947$, $p<0,000$). Опираясь на утверждения, входящие в упомянутые шкалы, можно сказать, что в норме представление о своём высоком профессиональном уровне, о творческих достижениях на работе сопряжено со стремлением увлечь работой других, передать свой опыт и знания окружающим. А направленность на завоевание авторитета и признания ассоциируется со стремлением не допускать конфликтов в коллективе и умением общаться с коллегами. Таким образом, в группе сопоставления основными мотивационными направленностями являются темы значимого вклада в общество, в коллектив, значимость социальной группы.

В корреляционных матрицах групп с расстройствами личности (как в состоянии компенсации, так и при декомпенсации) выделяются крупные обла-

сти с большим количеством положительных связей между показателями мотивационной сферы.

Существенное преобладание в корреляционной матрице лиц с *компенсацией личностного расстройства* положительных коэффициентов корреляции над отрицательными (918 к 307; аналогичное соотношение для группы лиц с декомпенсацией личностного расстройства и для группы сопоставления составляет 757 к 468 и 706 к 519 соответственно) свидетельствует об относительной синхронности изменений их мотивационной сферы, особенно в блоке реальной удовлетворённости мотивационных направленностей. Другими словами, в состоянии компенсации мотивационные устремления, а также восприятие актуальной степени удовлетворённости мотивов во многом соответствуют принципу «всё или ничего»: либо субъекту кажется, что он в достаточной степени обладает всем, к чему стремится, либо, напротив, всё безразлично – ни реальные, ни потенциальные достижения не воспринимаются как что-то значимое.

Описанные особенности укладываются в феномен недостаточно объективного отражения реальности и склонности к полярным оценкам при психопатии, на что указывал А. Якубик, также отмечавший, что такая недифференцированная оценка рассматривается как признак личностных расстройств и вообще патологии [48]. Подобная личностная организация системы саморегуляции, по мнению А. Якубика, проявляется в склонности таких больных к игнорированию фактов, не вписывающихся в их ожидания, в нетерпимости к многозначности, вытеснении неоднозначных аспектов своего опыта, невозможности признать одновременное существование в одном объекте и отрицательных, и положительных свойств, тенденции к принятию полярных («чёрно-белых») решений. Следовательно, саморегуляция в таком случае направлена не на адаптацию к требованиям окружающей среды, а на снижение эмоционально-мотивационного напряжения вследствие любого рода несоответствий.

Восприятие актуальной степени удовлетворённости мотивов при *декомпенсации расстройства личности* более дифференцированно (в сравнении с матрицей при компенсации расстройства личности корреляционные связи менее однородны), однако область с большим количеством положительных связей соответствует идеальной мотивационной направленности (при этом связи между показателями сильнее). Таким образом, у одних испытуемых с расстройствами личности декомпенсация может проявляться в желании обладать всем и сразу и недостаточно критичном фантазировании, а у других, как противоположность, могут обнаруживаться отказные реакции, отрицание любых стремлений, нигилизм.

Вероятно, полученные результаты говорят о том, что в ситуации декомпенсации субъект по каким-то причинам не может, как при компенсации, игнориро-

вать объективную реальность во всей её сложности. Тем не менее идеальная мотивационная направленность при декомпенсации недифференцирована, а связи внутри идеальных мотивов ещё более ригидные (сильные), т.е. в прогностическом плане декомпенсированная психопатическая личность недостаточно критична и исходит из представления о простоте достижения желаемого. Дифференцированное восприятие актуальной степени удовлетворённости мотивов при декомпенсации, вероятно, не определяет стремления и притязания, которые по-прежнему носят полярный характер. В принципе слабая способность психопатических личностей к разведению реального и идеального при декомпенсации получает окончательный перекос в сторону последнего, что говорит о нарастании нарушений критических функций.

Полученные результаты согласуются с данными И.А. Кудрявцева и Ф.С. Сафуанова [32], отмечающих несформированность иерархизированной системы личностных смыслов у психопатических личностей, что в конечном счёте выражается в лабильности и неустойчивости их эмоционально-смыслового отношения к миру.

Можно сделать вывод, что у испытуемых с личностными расстройствами опыт поведения в прошлых ситуациях не интегрируется в мотивационно-смысловую систему, которая, согласно представленным результатам, существует в отрыве от действительности и реального опыта. По мнению И.А. Кудрявцева и Ф.С. Сафуанова [32], при психопатиях подлинного рождения личности не происходит; поскольку мотивационная система не выполняет свою регулируемую функцию, такие больные не соотносят свои действия со всем разнообразием жизненных ситуаций и их поведение определяется в большей степени характерологическими особенностями.

Содержательный анализ выявленных связей подтверждает это предположение.

С мотивационными направленностями у компенсированных аномальных личностей оказывается связан ряд темпераментных и характерологических черт (ЭРИ – ОЖР_С: $r=0,741$, $p<0,000$; ЭРИ – РБИ_ДР: $r=0,667$, $p<0,000$; Е – ОЖИ_О: $r=0,667$; $p<0,000$; А – ОЖИ_ОД: $r=0,670$, $p<0,000$; О – ОЖР_Д: $r=0,681$, $p<0,000$), что говорит о включённости низкоуровневых механизмов в мотивационную систему при компенсации личностного расстройства. А. Якубик [48] также отмечал, что у лиц с личностными расстройствами в трудных ситуациях активизируются инстинктивно-эмоциональные механизмы. Таким образом, можно полагать, что тип реакции на конкретное средовое воздействие при компенсации психопатии зависит не столько от мотивации (т.е. собственно личностного уровня регуляции), сколько от темпераментных, характерологических качеств.

При компенсации расстройства личности обнаруживается тесная связь между всеми темперамент-

ными показателями, отражающими чувствительность и ранимость субъекта в разных сферах, а также его подверженность негативным аффектам, эмоциональную стабильность (ЭК – N: $r=0,688$, $p<0,000$; ЭК – ЭМ: $r=0,752$, $p<0,000$; ЭК – ЭИ: $r=0,721$, $p<0,000$; ЭК – АСТ_ФР: $r=0,780$, $p<0,000$; ЭМ – АСТ_ФР: $r=0,673$, $p<0,000$; ЭМ – ЭИ: $r=0,721$, $p<0,000$). Причём центральной вершиной этого графа, обладающей наибольшей степенью, является показатель коммуникативной эмоциональности. Подобный граф позволяет говорить о ригидной системе эмоциональной регуляции при компенсации психопатии, где ключевую роль играет коммуникативная чувствительность в процессе социального взаимодействия, которая за счёт силы связей способна в той или иной степени затрагивать и все остальные сферы эмоционального реагирования. Иначе говоря, чувство обиды или огорчение в результате социального взаимодействия, неуверенность и беспокойство в процессе коммуникации, ожидание неудачи или негативной оценки со стороны социума способны вывести из равновесия всю систему эмоциональной регуляции психопатической личности. Или, напротив, неудачи в любой другой сфере жизни (например, в интеллектуальной или предметной деятельности) могут быть попросту не замечены таким испытуемым, если субъект при этом чувствует себя принимаемым социумом – его коммуникативная эмоциональность удержит всю систему эмоциональной регуляции в стабильном состоянии. Более того, тесная прямая связь рассмотренных темпераментных характеристик с показателем астеничности в состоянии фрустрации говорит о том, что лица с расстройствами личности испытывают трудности управления своим поведением при социальных неудачах.

Похоже, при разных типах психопатий преобладающим мотивом поведения становится ориентация на внешнюю оценку при слабости самооценки.

Низкая иерархизированность мотивационной сферы у лиц с расстройствами личности, упомянутая ранее, прослеживается на построенном графе в большом количестве высокозначимых связей различных мотивационных направленностей друг с другом. Центральными элементами построенных графов с наибольшими степенями (и поэтому наиболее значимыми направленностями) являются четыре. Первый – это реальная удовлетворённость рабочей мотивационной направленности на творческую активность (РБР_ДР – ОЖР_С: $r=0,684$, $p<0,000$; РБР_ДР – РБИ_ДР: $r=0,739$, $p<0,000$; РБР_ДР – РБР_О: $r=0,716$, $p<0,000$; РБР_ДР – РБР_К: $r=0,684$, $p<0,000$), которая содержательно раскрывается через чувство удовлетворения от деятельности, ощущение имеющихся творческих достижений, высокий профессиональный уровень. Второй – реальная удовлетворённость рабочей мотивационной направленности на общение (РБР_О – РБР_К: $r=0,767$, $p<0,000$; РБР_О – РБР_С: $r=0,694$, $p<0,000$;

РБР_О – РБР_ДР: $r=0,688$, $p<0,000$; РБР_О – РБИ_ДР: $r=0,716$, $p<0,000$), которая содержательно раскрывается через субъективное представление о хорошем коллективе, хороших, дружеских взаимоотношениях с коллегами. Третий – общежизненная мотивационная направленность на общественную полезность (ОЖИ_ОД – ОЖИ_Д: $r=0,687$, $p<0,000$; ОЖИ_ОД – РБР_ОД: $r=0,672$, $p<0,000$; ОЖИ_ОД – А: $r=0,670$, $p<0,000$), которая содержательно раскрывается через потребность выполнять ответственное дело в коллективе, делать добро, даже если это дорого обходится. Четвёртый – общежизненная мотивационная направленность на общение (ОЖИ_О – РБИ_Д: $r=0,697$, $p<0,000$; ОЖИ_О – ОЖР_ДР: $r=0,725$, $p<0,000$; ОЖИ_О – Е: $r=0,667$, $p<0,000$), содержательно раскрывающаяся через стремление к приобретению новых друзей, проведению времени с друзьями, развитию своих способностей. Вокруг обозначенных мотивов выстраиваются многие другие мотивационные направленности. Таким образом, можно видеть, что центральные мотивационно-смысловые образования при компенсации сосредоточиваются вокруг социального признания, чувства собственной полезности.

На первый взгляд, это похоже на социальную направленность, которая была описана для группы сопоставления, однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что связи в группе компенсированных психопатических личностей носят несколько иной характер. Если в норме представление о своём высоком профессиональном уровне и творческих достижениях связано со стремлением увлечь работой других, передать свой опыт окружающим, то в группе компенсированных лиц выявляется лишь связь со стремлением и в будущем оставаться творческим профессионалом (РБР_ДР – РБИ_ДР: $r=0,739$, $p<0,000$). Стремление же увлечь работой других и передать свой опыт при компенсации расстройства личности связано лишь с актуальной увлечённостью хобби и заработком (РБИ_ОД – ОЖР_Д: $r=0,676$, $p<0,000$). У компенсированных личностей, как и в норме, обнаруживается связь между стремлением к комфортным условиям в деятельности с направленностью на общение (РБИ_К – РБИ_О: $r=0,663$, $p<0,000$), однако в этом же графе соседствует стремление к социальному статусу (РБИ_О – РБИ_С: $r=0,762$, $p<0,000$). Иначе говоря, при компенсации психопатии общение осуществляется скорее не ради него самого или комфорта, но ради авторитета и служебного продвижения. В центре системы индивидуальности при компенсации личностного расстройства, таким образом, оказывается не вклад в общее дело, не значимость социальной группы, а самооценка, необходимая для подкрепления собственного образа «Я».

При декомпенсации личностного расстройства общая темпераментная активность также оказывается сопряжена со сферой коммуникации и концен-

трируется вокруг темы общения, контактов с другими людьми. Так, у испытуемых с декомпенсацией можно выделить тесную связь коммуникативной пластичности и широкого набора коммуникативных программ с общей активностью и лёгкостью в установлении социальных связей, стремлением к лидерству (Е – ПК: $r=0,963, p<0,000$; ПК – ЭРК: $r=0,963, p<0,000$).

Это находит выражение и при анализе мотивационных направленностей. Граф в виде треугольника (РБР_С – РБР_ОД: $r=0,964, p<0,000$; РБР_С – РБР_ДР: $r=0,963, p<0,000$; РБР_ДР – РБР_ОД: $r=0,963, p<0,000$) включает показатели степени удовлетворённости мотивов, также связанных с признанием: на первый план при декомпенсации личностного расстройства выходит значимость собственной важности и ценности в коллективе, которая в своих полюсных вариантах может выражаться в некритичной самоуверенности, эгоцентрической системе мировосприятия, грандиозном «Я» либо в самоуничтожении, представлении о собственной никчёмности и ненужности.

Возможно, что феномен, обнаруженный у лиц как в состоянии компенсации, так и при декомпенсации, выражающийся в низкой дифференцированности мотивационно-смысловой сферы при наличии центральных элементов системы индивидуальности, соответствует принципу гистерезиса, описанному D. Vorsboom [40]. Этот принцип заключается в том, что системы, компоненты которых тесно связаны друг с другом, способны к самостоятельной генерации патологических состояний за счёт этих связей, даже когда исчезла причина, вызвавшая первичную реакцию субъекта. В норме система индивидуальности за счёт разрозненных связей может легче возвращаться в равновесное состояние даже после стрессового воздействия.

Заключение

Таким образом, полученные результаты согласуются с ранее проведёнными исследованиями [32–35] и раскрывают обнаруженные феномены с позиции системной методологии.

В исследовании получены данные о недостаточной дифференцированности мотивационно-смысловой системы при расстройствах личности.

Система индивидуальности при компенсации расстройства личности представляет собой недостаточно дифференцированную сеть, находящуюся, однако, в равновесном состоянии. Так, в состоянии компенсации наблюдается соответствие между ожидаемы-

ми мотивационными направленностями и реально удовлетворяемыми в настоящее время мотивами (между ожиданиями и реальностью). Такая система индивидуальности довольно долго может пребывать в равновесном состоянии, поскольку её центральные элементы затрагивают достаточно малый спектр тем, концентрирующихся вокруг социального признания. Неудачи в других сферах могут и вовсе не сказываться на поведении, если субъект при этом чувствует себя значимым для социума. В этом смысле лица с компенсацией могут демонстрировать подчас удивительную устойчивость.

Однако в действительности устойчивость такой системы индивидуальности иллюзорна, а сама система может быть охарактеризована как недостаточно гибкая. При субъективно значимом стрессовом воздействии отреагирует вся система индивидуальности. Это, вероятно, и происходит при динамическом сдвиге, когда обнаруживается несостоятельность мотивационно-смысловой системы саморегуляции психопатической личности. Феноменологически декомпенсация может представлять собой своеобразный регресс с некритичным прогнозом на будущее (идеалистичным фантазированием или обесцениванием) и с обнажением более низко уровневых, формально-динамических механизмов.

Это тем более важно, что сознательная деятельность в большей степени связана с личностным уровнем регуляции, а темперамент господствует в тех формах поведения, которые обычно признаются произвольными [13, 22]. Более того, от формально-динамических особенностей индивидуальности зависит способность к антиципации, прогнозированию и планированию, особенно в неопределённых ситуациях, при прогнозировании равновероятных событий [27, 28]. Таким образом, экспертная оценка лиц с психопатиями должна включать исследование связей каждой из формально-динамических особенностей личности со способностью к прогнозированию и планированию своего поведения.

В целом проведённое исследование доказывает возможность совмещения качественного феноменологического анализа глубины личностного поражения, передаваемого различными клиническими картинками компенсированных и декомпенсированных состояний, с дименсиональной оценкой системы индивидуальности, нарушения которой при динамических сдвигах выражаются в изменении конфигурации компенсаторных связей, выработанных между разными уровнями индивидуальности.

Сведения об авторах

Демидова Любовь Юрьевна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник отдела судебно-психиатрической экспертизы в уголовном процессе ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (Москва)

Индексы: PИNC AuthorID: 705305; Scopus AuthorID: 57209466481; ResearcherID: H-5281-2011

E-mail: lyubov.demidova@gmail.com

Гадисов Тимур Гамидович – аспирант отдела судебно-психиатрической экспертизы в уголовном процессе ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (Москва)

Индекс: РИНЦ AuthorID: 1062322

E-mail: gadisovtmr@gmail.com

Ткаченко Андрей Анатольевич – доктор медицинских наук, профессор, руководитель отдела судебно-психиатрической экспертизы в уголовном процессе ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России (Москва); профессор кафедры социальной и судебной психиатрии ФГАОУ ВО «Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова» Минздрава России (Сеченовский Университет) (Москва)

Индексы: РИНЦ AuthorID: 84989; Scopus AuthorID: 7102706101; ResearcherID: P-2653-2015

E-mail: tkatchenko_gnc@mail.ru

Информация о конфликте интересов и источнике финансирования

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов. Научная работа инициативная, не финансируемая.

Литература

- Ганнушкин П.Б. Клиника психопатий, их статика, динамика, систематика. Нижний Новгород: НГМА, 2000. 124 с.
- Куликов В.В., Шостакович Б.В., Литвинцев С.В. и др. Расстройства личности (психопатии) в практике военно-врачебной экспертизы. Методическое пособие. Вып. 3. М.: Минздрав и Минобороны России, 2003. 32 с.
- Пятницкий Н.Ю. Аномальные личности в концепции Г. Груле // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2017. Т. 117, № 5. С. 72–76. DOI: <https://doi.org/10.17116/jnevro20171175172-76>
- Пятницкий Н.Ю. Теория «слоев»: темперамент и характер в концепции G. Ewald // Психическое здоровье. 2018. Т. 16, № 10. С. 52–61. DOI: <https://doi.org/10.25557/2074-014X.2018.10.52-61>
- Шостакович Б.В. Расстройства личности (психопатии) в судебно-психиатрической практике. М.: Издательство МБА, 2006. 372 с.
- Trofimova I., Christiansen J. Coupling of temperament with mental illness in four age groups // Psychol. Rep. 2016. Vol. 118, № 2. P. 387–412. DOI: <https://doi.org/10.1177/0033294116639430>
- Widiger T.A. Personality and psychopathology // World Psychiatry. 2011. Vol. 10, № 2. P. 103–106.
- Widiger T.A., Costa P.T. Five-factor model personality disorder research // Personality disorders and the Five-Factor Model of personality / Eds. P.T. Costa, T.A. Widiger. Washington, DC: American Psychological Association, 2012. P. 59–87.
- Cloninger C.R., Svrakic D.M., Przybeck T.R. A Psychobiological Model of Temperament and Character // Arch. Gen. Psychiatry. 1993. Vol. 50, № 12. P. 975–990. DOI: <https://doi.org/10.1001/archpsyc.1993.01820240059008>
- Svrakic D.M., Whitehead C., Przybeck T.R., Cloninger C.R. Differential Diagnosis of Personality Disorders by the Seven-Factor Model of Temperament and Character // Arch. Gen. Psychiatry. 1993. Vol. 50, № 12. P. 991–999. DOI: <https://doi.org/10.1001/archpsyc.1993.01820240075009>
- Русалов В.М. Темперамент // Большая российская энциклопедия. Т. 32 / Под ред. Ю.С. Осипова. М.: БРЭ, 2016. С. 24–25.
- Большой психологический словарь / Под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. М.: АСТ, 2009. 811 с.
- Выготский Л.С. Педагогическая психология. М.: АСТ, Астрель, Люкс, 2005. 671 с.
- Strelau J. Temperament: A psychological perspective. New York: Kluwer Academic Publishers, 2002. 484 p.
- Бороздина Л.В. Концепция личности и характера, основанная на теории деятельности А.Н. Леонтьева // Национальный психологический журнал. 2015. № 4. С. 3–12. DOI: <https://doi.org/10.11621/npj.2015.0401>
- Левитов Н.Д. Проблема характера в современной психологии // Психология индивидуальных различий. Тексты / Под ред. Ю.Б. Гилпенрейтер, В.Я. Романова. М.: ЧеРо, 2002. С. 210–214.
- Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл, Издательский центр «Академия», 2004. 352 с.
- Симонов П.В. Мотивированный мозг: высшая нервная деятельность и естественно-научные основы общей психологии. М.: ЛЕНАНД, 2021. 272 с.
- Леонтьев Д.А., Никишов А.К. Характер // Большая российская энциклопедия. Т. 33 / Под ред. Ю.С. Осипова. М.: БРЭ, 2017. С. 761–762.
- Асмолов А.Г. Психология личности. М.: Изд-во МГУ, 1990. 367 с.
- Выготский Л.С. Основы дефектологии. Собрание сочинений: В 6 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 5. 368 с.
- Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. 328 с.
- Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986. 256 с.
- Небылицын В.Д. Проблемы психологии индивидуальности. М.: Московский психолого-социальный институт, 2000. 688 с.
- Теплов Б.М. Избранные труды: В 2 т. М.: Педагогика, 1985. Т. II. 360 с.
- Небылицын В.Д. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1990. 408 с.
- Базылевич Т.Ф. Системные исследования антиципации в структуре индивидуальности // Вопросы психологии. 1988. № 4. С. 46–55.
- Виленская Г.А., Сергиенко Е.А. Роль темперамента в развитии регуляции поведения в раннем возрасте // Психологический журнал. 2001. Т. 22, № 3. С. 68–85.
- Стрелу Я. Роль темперамента в психическом развитии. М.: Прогресс, 1982. 231 с.
- Брушлинский А.В. Проблемы психологии субъекта. М.: Институт психологии РАН, 1994. 109 с.
- Zwir I., Del-Val C., Arnedo J. et al. Three genetic-environmental networks for human personality // Mol. Psychiatry. 2019. URL: <https://www.nature.com/articles/s41380-019-0579-x.pdf> (дата обращения: 22.08.2021). DOI: <https://doi.org/10.1038/s41380-019-0579-x>
- Кудрявцев И.А., Сафуанов Ф.С. Эмоциональная и смысловая регуляция восприятия у психопатических личностей возбудимого и истерического круга // Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 1984. Т. 84, № 12. С. 1815–1822.
- Огарок Е.М. Судебно-психиатрическая оценка расстройств личности возбудимого и тормозимого типов: Клинико-нейрофизиологическое исследование: автореф. дис. ... канд. мед. наук: 14.00.18 / Гос. науч. центр соц. и судеб. психиатрии им. В.П. Сербского МЗ РФ. М., 2003. 24 с.
- Сафуанов Ф.С., Киренская А.В., Ткаченко А.А. и др. Патологические особенности лиц с психическими расстройствами, склонных к импульсивной агрессии // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 29. С. 6.

Литература

35. Кудрявцев И.А. Судебно-психологическая экспертиза направленности личности и особенностей нарушения саморегуляции социального поведения при пограничной психической патологии // *Российский психиатрический журнал*. 2013. № 4. С. 9–19.
36. Cramer A.O.J., Can Der Sluis S., Noordhof A. et al. Dimensions of Normal Personality as Networks in Search of Equilibrium: You Can't like Parties if you Don't like People // *Eur. J. Pers.* 2012. Vol. 26, № 4. P. 414–431. DOI: <https://doi.org/10.1002/per.1866>
37. Furr R.M., Fleenor W., Anderson M., Arnold E.M. On the Contributions of a Network Approach to Personality Theory and Research // *Eur. J. Pers.* 2012. Vol. 26, № 4. P. 437–439. DOI: <https://doi.org/10.1002/per.1871>
38. Robinaugh D.J., Hoekstra R.H.A., Toner E.R., Borsboom D. The network approach to psychopathology: a review of the literature 2008–2018 and an agenda for future research // *Psychol. Med.* 2020. Vol. 50, № 3. P. 353–366. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0033291719003404>
39. McCuish E., Bouchard M., Beauregard E., Corrado R. A network Approach to Understanding the Structure of Core Symptoms of Psychopathic Personality Disturbance in Adolescent Offenders // *J. Abnorm. Child Psychol.* 2019. Vol. 47, № 9. P. 1467–1482. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10802-019-00530-9>
40. Borsboom D. A network theory of mental disorders // *World Psychiatry*. 2017. Vol. 16, № 1. P. 5–13. DOI: <https://doi.org/10.1002/wps.20375>
41. Русалов В.М. Темперамент в структуре индивидуальности человека: дифференциально-психофизиологические и психологические исследования. М.: Институт психологии РАН, 2012. 528 с.
42. Русалов В.М. Вклад биологической теории индивидуальности в решение проблемы социального и биологического в человеке // *Биология в познании человека*. М.: Наука, 1989. С. 109–125.
43. Costa P.T., McCrae R.R. The revised NEO PI / Neo-FFI professional manual. Odessa, FL: PAR, 1992. 101 p.
44. Орел В.Е., Сенин И.Г. Личностные опросники NEO-PI-R и NEO-FFI. Руководство по применению. Ярославль: НПЦ «Психодиагностика», 2008. 40 с.
45. Мильман В.Э. Метод изучения мотивационной сферы личности // *Практикум по психодиагностике*. Психодиагностика мотивации и саморегуляции. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1990. С. 23–43.
46. Харари Ф. Теория графов. М.: Едиториал УРСС, 2003. 296 с.
47. Steptoe A., Easterlin E., Kirschbaum C. Conscientiousness, hair cortisol concentration, and health behaviour in older men and women // *Psychoneuroendocrinology*. 2017. № 86. P. 122–127. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.psyneuen.2017.09.016>
48. Якубик А. Истерия. М.: Медицина, 1982. 224 с.

References

1. Gannushkin P.B. *Klinika psikhopatii, ikh statika, dinamika, sistematika*. Nizhnii Novgorod: NGMA; 2000. 124 p. (In Russ.)
2. Kulikov V.V., Shostakovich B.V., Litvintsev S.V., et al. Rasstroistva lichnosti (psikhopatii) v praktike voenno-vrachebnoi ekspertizy. Metodicheskoe posobie. Vyp. 3. Moscow: Minzdrav i Minoborony Rossii; 2003. 32 p. (In Russ.)
3. Pyatnitskii NYu. [The abnormal personalities in the conception of H. Gruhle]. *Zh Nevropatol Psikhiatr Im SS Korsakova*. 2017;117(5):72–6. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17116/jnevro20171175172-76>
4. Pyatnitskii NYu. [Stratum theory: temperament and character in G. Ewald's concept]. *Psikhicheskoe zdorov'e [Mental Health]*. 2018;16(10):52–61. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25557/2074-014X.2018.10.52-61>
5. Shostakovich B.V. *Rasstroistva lichnosti (psikhopatii) v sudebno-psikhiatricheskoj praktike*. Moscow: Izdatel'stvo MBA; 2006. 372 p. (In Russ.)
6. Trofimova I., Christiansen J. Coupling of temperament with mental illness in four age groups. *Psychol Rep.* 2016;118(2):387–412. DOI: <https://doi.org/10.1177/0033294116639430>
7. Widiger TA. Personality and psychopathology. *World Psychiatry*. 2011;10(2):103–6.
8. Widiger TA, Costa PT. Five-factor model personality disorder research. Personality disorders and the Five-Factor Model of personality. PT Costa, TA Widiger, editors. Washington, DC: American Psychological Association; 2012. p. 59–87.
9. Cloninger CR, Svrakic DM, Przybeck TR. A Psychobiological Model of Temperament and Character. *Arch Gen Psychiatry*. 1993;50(12):975–90. DOI: <https://doi.org/10.1001/archpsyc.1993.01820240059008>
10. Svrakic DM, Whitehead C, Przybeck TR, Cloninger CR. Differential Diagnosis of Personality Disorders by the Seven-Factor Model of Temperament and Character. *Arch Gen Psychiatry*. 1993;50(12):991–9. DOI: <https://doi.org/10.1001/archpsyc.1993.01820240075009>
11. Rusalov V.M. Temperament. In: YuS Osipov, editor. *Bol'shaya russiiskaya entsiklopediya*. Vol. 32. Moscow: BRE; 2016. p. 24–5. (In Russ.)
12. *Bol'shoi psikhologicheskii slovar'*. BG Meshcheryakov, VP Zinchenko, editors. Moscow: AST; 2009. 811 p. (In Russ.)
13. Vygotskii L.S. *Pedagogicheskaya psikhologiya*. Moscow: AST, Astrel', Lyuks; 2005. 671 p. (In Russ.)
14. Strelau J. Temperament: A psychological perspective. New York: Kluwer Academic Publishers; 2002. 484 p.
15. Borzdina LV. [The concept of personality and character based on the activity theory of A. Leontiev]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal [National Psychological Journal]*. 2015;(4):3–12. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.11621/npj.2015.0401>
16. Levitov ND. Problema kharaktera v sovremennoi psikhologii. In: YuB Gippenreiter, VYa Romanov, editors. *Psikhologiya individual'nykh razlichii*. Teksty. Moscow: CheRo; 2002. p. 210–4. (In Russ.)
17. Leont'ev AN. *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'*. Moscow: Smysl, Izdatel'skii tsentr "Akademiya"; 2004. 352 p. (In Russ.)
18. Simonov PV. *Motivirovannyi mozg: vysshaya nervnaya deyatel'nost' i estestvenno-nauchnye osnovy obshchei psikhologii*. Moscow: LENAND; 2021. 272 p. (In Russ.)
19. Leont'ev DA, Nikishov AK. Kharakter. In: YuS Osipov, editor. *Bol'shaya russiiskaya entsiklopediya*. Vol. 33. Moscow: BRE; 2017. p. 761–2. (In Russ.)
20. Asmolov AG. *Psikhologiya lichnosti*. Moscow: Izd-vo MGU; 1990. 367 p. (In Russ.)
21. Vygotskii L.S. *Osnovy defektologii*. *Sobranie sochinenii*: Vol. 5. Moscow: Pedagogika; 1983. 368 p. (In Russ.)
22. Rubinshtein S.L. *Bytie i soznanie*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR; 1957. 328 p. (In Russ.)
23. Merlin VS. *Ocherk integral'nogo issledovaniya individual'nosti*. Moscow: Pedagogika; 1986. 256 p. (In Russ.)
24. Nebylitsyn V.D. *Problemy psikhologii individual'nosti*. Moscow: Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi institut; 2000. 688 p. (In Russ.)
25. Teplov B.M. *Izbrannye trudy*: Vol. II. Moscow: Pedagogika; 1985. 360 p. (In Russ.)
26. Nebylitsyn V.D. *Izbrannye psikhologicheskije trudy*. Moscow: Pedagogika; 1990. 408 p. (In Russ.)
27. Bazylevich T.F. *Sistemnye issledovaniya antipsipatsii v strukture individual'nosti*. *Vopr Psikhol.* 1988;(4):46–55. (In Russ.)
28. Vilenkaya GA, Sergienko EA. [The role of temperament in development of behaviour regulation in infants]. *Psikholog Zh.* 2001;22(3):68–85. (In Russ.)
29. Strelyau Ya. *Rol' temperamenta v psikhicheskom razvitii*. Moscow: Progress; 1982. 231 p. (In Russ.)
30. Brushlinskii AV. *Problemy psikhologii sub'ekta*. Moscow: Institut psikhologii RAN; 1994. 109 p. (In Russ.)
31. Zwir I, Del-Val C, Arnedo J, et al. Three genetic–environmental networks for human personality. *Mol Psychiatry*. 2019. URL: <https://www.nature.com/articles/s41380-019-0579-x.pdf> (accessed on: 22.08.2021). DOI: <https://doi.org/10.1038/s41380-019-0579-x>

References

32. Kudryavtsev IA, Safuanov FS. Emotsional'naya i smyslovaya regulyatsiya vospriyatiya u psikhopaticheskikh lichnosti vozбудимого i istericheskogo kruga. Zh Nevropatol Psikhiatr Im SS Korsakova. 1984;84(12):1815–22. (In Russ.)
33. Ogarok EM. Sudebno-psikhiatricheskaya otsenka rasstroistv lichnosti vozбудимого i tormozimого tipov: Kliniko-neirofiziologicheskoe issledovanie [PhD thesis]. [Moscow (Russia)]: Gos. nauch. tsentr sots. i sudeb. psikhiatrii im. V.P. Serbskogo MZ RF; 2003. 24 p. (In Russ.)
34. Safuanov FS, Kirenskaya AV, Tkachenko AA, et al. [Pathocharacterologic signs in patients with psychiatric disorders predisposed to impulsive aggression]. Psikhologicheskie issledovaniya [Psikhologicheskie issledovaniya]. 2013;6(29):6. (In Russ.)
35. Kudryavtsev IA. [Forensic-psychological evaluation of personality orientation and impairment of social behaviour self-regulation in borderline psychic pathology]. Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal [Russian Journal of Psychiatry]. 2013;(4):9–19. (In Russ.)
36. Cramer AOJ, Can Der Sluis S, Noordhof A, et al. Dimensions of Normal Personality as Networks in Search of Equilibrium: You Can't like Parties if you Don't like People. Eur J Pers. 2012;26(4):414–31. DOI: <https://doi.org/10.1002/per.1866>
37. Furr RM, Fleeson W, Anderson M, Arnorld EM. On the Contributions of a Network Approach to Personality Theory and Research. Eur J Pers. 2012;26(4):437–9. DOI: <https://doi.org/10.1002/per.1871>
38. Robinaugh DJ, Hoekstra RHA, Toner ER, Borsboom D. The network approach to psychopathology: a review of the literature 2008–2018 and an agenda for future research. Psychol Med. 2020;50(3):353–66. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0033291719003404>
39. McCuish E, Bouchard M, Beauregard E, Corrado R. A network Approach to Understanding the Structure of Core Symptoms of Psychopathic Personality Disturbance in Adolescent Offenders. J Abnorm Child Psychol. 2019;47(9):1467–82. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10802-019-00530-9>
40. Borsboom D. A network theory of mental disorders. World Psychiatry. 2017;16(1):5–13. DOI: <https://doi.org/10.1002/wps.20375>
41. Rusalov VM. Temperament v strukture individual'nosti cheloveka: differentsial'no-psikhofiziologicheskie i psikhologicheskie issledovaniya. Moscow: Institut psikhologii RAN; 2012. 528 p. (In Russ.)
42. Rusalov VM. Vklad biologicheskoi teorii individual'nosti v reshenie problemy sotsial'nogo i biologicheskogo v cheloveke. In: Biologiya v poznanii cheloveka. Moscow: Nauka; 1989. p. 109–25. (In Russ.)
43. Costa PT, McCrae RR. The revised NEO PI. Neo-FFI professional manual. Odessa, FL: PAR; 1992. 101 p.
44. Orel VE, Senin IG. Lichnostnye oprosniki NEO-PI-R i NEO-FFI. Rukovodstvo po primeneniyu. Yaroslavl': NPTs "Psikhodiagnostika"; 2008. 40 p. (In Russ.)
45. Mil'man VE. Metod izucheniya motivatsionnoi sfery lichnosti. In: Praktikum po psikhodiagnostike. Psikhodiagnostika motivatsii i samoregulyatsii. Moscow: MGU im. M.V. Lomonosova; 1990. p. 23–43. (In Russ.)
46. Kharari F. Teoriya grafov. Moscow: Editorial URSS; 2003. 296 p. (In Russ.)
47. Steptoe A, Easterlin E, Kirschbaum C. Conscientiousness, hair cortisol concentration, and health behaviour in older men and women. Psychoneuroendocrinology. 2017;(86):122–7. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.psyneuen.2017.09.016>
48. Yakubik A. Isteriya. Moscow: Meditsina; 1982. 224 p. (In Russ.)